

Ли Жуну на мгновение показалось, что тайны вот-вот вырвутся наружу, но Цэнь Сяо невозмутимо отвел взгляд, увеличивая дистанцию между ними. Лишь эта многозначительная уклончивость дала старосте ясно понять: давешнее предчувствие не было ошибкой.

Цзянь Фу порывисто вклинился в их пространство, бесцеремонно оперся локтем о плечо юноши и с любопытством протянул:

— О чём это вы тут шепчетесь? Что за секреты от коллектива?

— Да так, пустяки, — небрежно бросил тот.

Ли Жун заставил себя успокоиться. Его острый, испытующий взгляд еще на пару секунд задержался на собеседнике, прежде чем юноша окончательно взял себя в руки. Он отпустил рукав друга и столь же непринужденно произнес:

— Действительно, ничего особенного. Вы, ребята, отдыхайте эти дни, развлекайтесь где хотите. А я помогу Цэнь Сяо подготовиться к экзаменам.

«Раз не хочешь говорить сейчас — не говори, — решил он. — К тому же я и сам пока не понимал, как относиться к открывшейся правде»

Однако, судя по поведению друга, Ду Минли при всей своей искушенности и коварстве не представлял для него серьезной угрозы. Неудивительно, что при первой встрече в тренировочном зале юноша выказал лишь отвращение, но совершенно не воспринял того всерьез. Пока Цэнь Сяо начеку, Ли Жун мог быть спокоен.

В июле северные ветра в городе А наконец утихли, но им на смену пришли затяжные мелкие дожди. Воздух пропитался удушливой летней влагой; земля была настолько сырой, что казалось, она не просыхала ни на миг. Испарения, поднимавшиеся от асфальта, приносили не свежесть, а лишь вязкую, изнуряющую духоту.

Единый закрытый экзамен Девятого района проводился в Экономическом и культурном центре города А. Испытания длились три дня. На это время абитуриентов селили в специально отведенные общежития; телефоны изымались, любая связь с внешним миром была строго запрещена.

Результаты зачисления публиковались через десять рабочих дней на официальном сайте Объединённой торговой палаты «Ланьшу». В прежние годы процесс контролировался предприятиями и общественностью, но за последние десятилетия, по мере того как влияние

«Ланьшу» росло, а монополия становилась всё очевиднее, оглашение списков превратилось в пустую формальность. Ведь и те, кто подавал заявки, и те, кто их рассматривал, были связаны либо с Палатой, либо с исследовательским институтом «Хунсо».

Когда проверяешь сам себя, беспристрастность неизбежно страдает.

В какой-то степени опасения Ду Минли были обоснованы. Число компаний, входящих в торговый союз, росло, а порог вхождения в Девятый район становился всё выше. Доступ туда теперь контролировали люди, преследовавшие собственные интересы. Мелкие предприятия даже не смели заикаться о несправедливости, боясь навлечь на себя гнев и оказаться на обочине делового мира. Хорошая слава, заработанная первым командиром отряда «Призрачный глаз», постепенно таяла под гнетом новых порядков и меняющейся расстановки сил. Хотя внешне Хань Цзян всё ещё старался сохранять видимость честности и непредвзятости.

Вечером накануне экзамена Цэнь Цин и Сяо Мужань, вопреки обыкновению, оба оказались дома. Отношения в семье Цэнь были прохладными, супруги давно жили каждый своей жизнью, но узы крови разорвать не так-то просто — иначе они не были бы связаны этим десятилетним взаимным мучительством.

На самом деле глава семьи не раз порывался бросить всё. Он надеялся, что сын будет постепенно и осторожно следовать его планам, но юноша явно выбрал путь, выходящий за границы безопасного. И в Девятый район он стремился вовсе не ради отца, а ради Ли Жуна. Цэнь Цин же оказался в ловушке: из-за привязанности к сыну он был вынужден ввязаться в эту грязную игру.

Мужчина глубоко вздохнул, потянувшись за сигаретой, но тут же передумал. Дома Сяо Мужань терпеть не могла табачного дыма; если он закурит, важный разговор неминуемо закончится очередной ссорой. Решив, что лучше не провоцировать конфликт, он убрал руку.

— Надеюсь, ты подготовился. Совмещать учебу в университете с работой в Девятом районе — задача не из легких. Там до сих пор сохраняется традиция «верхи правят низами, а низы свергают верхи». Будешь недостаточно хорош — вылетишь в два счета. И не надейся, что я стану тебе помогать.

Цэнь Сяо усмехнулся. Он присел на корточки и лениво потрепал по загривку Сяо У, который из любопытства терся о его ноги.

Сине-золотой шиншилла вскинул свои чарующие кошачьи глаза, склонил голову набок и принялся обнюхивать брюки хозяина. Кот лениво помахивал хвостом, приоткрыл пасть, обнажая острые зубки, и издал негромкое утробное «мяу». Сяо У учуял на одежде юноши запах чужого человека — аромат близкий и дружелюбный.

Цэнь Сяо и вправду совсем недавно расстался с Ли Жунем. Пока они сидели в машине, Ли Жун намеренно дразнил его, касаясь щиколоткой его голени.

Юноша стряхнул с пальцев приставшую кошачью шерсть, выпрямился и небрежно бросил:

— Если бы я не был уверен в успехе, я бы не пошел на этот экзамен.

— Зачем, зачем ты лезешь в это болото?!

За последние месяцы Сяо Мужань сильно похудела. С тех пор как была опубликована гипотеза Ли Цинли, она находилась во власти тяжелых переживаний. Будучи приглашенным профессором Университета А, она знала все подробности дела о краже. Вести о лжи Цзян Вэйдэ и о том, каких трудов стоило сыну профессора Ли опубликовать труд отца, причиняли ей невыносимую боль.

В прошлом июле, когда в семье Ли случилась беда, Сяо Мужань малодушно сбежала. Она отключила интернет и улетела на далекий остров, стараясь не слышать дурных вестей. Ради спокойствия семьи Цэнь и семьи Сяо она не могла позволить себе безрассудства — не могла сказать ни слова в защиту справедливости, чтобы не навлечь неприятности на свой род.

У неё было слишком много обязательств, тягот и привязанностей, и хотя она прекрасно знала, каким человеком был Ли Цинли, она не нашла в себе сил за него заступиться. Она уберегла близких от проблем, но сама оказалась во власти терзающей боли и вины. Муки совести снедали её изнутри, лишая сна и покоя.

Когда на той встрече она внезапно узнала, что гипотеза Ли Цинли всё же была опубликована, да еще и при поддержке института «Хунсо», она почувствовала слабое, призрачное облегчение. Ей хотелось верить, что в институте признали невиновность Ли Цинли и решились опубликовать его труд, несмотря на давление. Это была единственная зацепка, позволявшая ей думать, что мир не так уж безнадежен.

Но в мае рухнула и эта иллюзия. Никого не заботила правда; участь семьи Ли была предрешена. Если бы не Сюй Вэй, Ли Жун и та торговка с улицы, эта научная работа так и осталась бы погребенной в архивах.

Сяо Мужань с детства была окружена книгами, но чем старше она становилась, тем яснее понимала: никакая мудрость мира не поможет принять такую действительность.

Глядя в полные слез глаза матери, Цэнь Сяо чувствовал лишь горькую жалость. Она была словно нежный цветок в Эдемском саду, огражденный от любых невзгод. У неё не было ни опыта страданий, ни отчаянной решимости идти до конца. Столкнувшись с несправедливостью, женщина могла лишь молчать и истязать саму себя. Впрочем, это было вполне естественно — мир полон обычных людей, привыкших терпеть и смиряться. Настоящая смелость — товар штучный.

— Потому что у меня есть силы и я готов отвечать за последствия, — спокойно ответил он.

Сяо Мужань закрыла глаза и измученно покачала головой:

— Ты только окончил школу. Что ты знаешь о последствиях? Твой дедушка говорит...

— Слова дедушки для тебя — непреложная истина. Но я не такой, как ты.

Цэнь Сяо холодно посмотрел на мать. Он впервые так открыто коснулся застарелой раны их семьи.

— Ради того, с кем почувствовал родство душ при первой же встрече, я готов пойти на любые жертвы.

Мать мгновенно побледнела.

Цэнь Цин, не выдержав, резко оборвал их:

— Довольно. Жребий брошен, теперь спорить бесполезно.

На следующее утро небо по-прежнему было затянуто тяжелыми тучами. Ли Жун специально приехал к Экономическому и культурному центру, чтобы проводить Цэнь Сяо к месту испытаний.

— Ты позавтракал?

Ли Жун опустил голову, коснувшись носком ботинка мыса обуви собеседника, а затем вскинул лицо, глядя на него с доверительной близостью. В его глазах плясали смешинки, волосы, растрепанные ветром, лезли в лицо, цепляясь за переносицу. Цэнь Сяо чуть вскинул бровь и, взглянув на мягкие губы юноши, многозначительно уточнил:

— О какой именно «пище» ты спрашиваешь?

Ли Жун улыбнулся еще шире и легонько пнул его ботинок:

— О той, что наполняет желудок.

— Тогда — да, поел.

Цэнь Сяо подался вперед, почти ощущая сладкий аромат желеино-йогуртовой палочки в дыхании Ли Жуна.

— Но я бы не отказался и от чего-нибудь еще.

Ли Жун облизнул нижнюю губу и, лукаво сверкнув глазами, уперся ладонью в грудь юноши, не давая ему приблизиться:

— Не боишься завалить экзамен из-за такой отвлеченности?

— Боюсь, — вздохнул тот. — Поэтому и говорил тебе не приезжать. Позвоню, как только закончу.

Староста посерьезнел. Его рука расслабилась и медленно соскользнула с груди Цэнь Сяо.

— Просто мне тоже очень хотелось провести с тобой лишнюю секунду.

— О! Снова здравствуйте!

Раздавшийся неподалеку бодрый голос заставил Ли Жуна инстинктивно отстраниться. Он настороженно обернулся. К ним шел Ду Минли. Одетый в строгую рубашку и темные брюки, он прижимал к боку прозрачную папку с документами. Его взгляд так и шарил между ребятами.

Казалось, из-за частых тренировок на открытом воздухе мужчина еще сильнее загорел, так что бледно-коричневый шрам на тыльной стороне его ладони стал почти незаметен.

Отношение Цэнь Сяо к собеседнику всегда оставалось подчеркнуто холодным. Услышав приветствие, он лишь равнодушно мазнул по нему взглядом, даже не собираясь отвечать.

Ли Жун покосился на вход в Центр. Перед зданием раскинулась огромная пустая парковка, а сами ворота находились на возвышении, открывая обзор почти на двести градусов. Пространство было настолько обширным, что абитуриенты могли заходить внутрь, почти не сталкиваясь друг с другом. Они стояли в стороне, довольно далеко от главного входа. Если капитан Ду умудрился наткнуться на них и здесь, то это было... удивительное совпадение.

— О, какая встреча, — с легкой улыбкой произнес Ли Жун.

Улыбка Ду Минли оставалась неизменно мягкой:

— Скоро вы оба окажетесь в Девятом районе, так что видеться мы будем часто.

— Вы так уверены, что пройдете? — парировал староста.

Ду Минли внимательно изучал его. Перед ним был всего лишь вчерашний школьник, но мужчина постоянно чувствовал исходящую от него необъяснимую, сложную энергию. Он редко ошибался в людях, но Ли Жун казался ему клубком противоречий — прекрасным и пугающим одновременно.

— Разумеется, — без тени сомнения ответил собеседник. — Я не просто пройду, я намерен стать лучшим. Нужно же приложить силы на благо общества.

Ли Жун глянул на друга и вскользь заметил:

— Первое место? Мы бы тоже от него не отказались.

Ду Минли понимающе усмехнулся, и его тон внезапно стал жестким:

— Я тут случайно слышал, что в этом году в Девятый район пробует поступить сын председателя Третьего района.

Цэнь Сяо понял намек, но лишь небрежно улыбнулся:

— Ты слишком много себе воображаешь. До того момента, когда придется мериться связями, дело просто не дойдет.

<http://bllate.org/book/15351/1437025>